

Рябова Марина Вадимовна

ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

Данная статья посвящена лингвокультурным характеристикам процесса перевода, а также явлению "смыслового сдвига" текста, являющемуся результатом ассимиляции его смыслов при переводе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 170-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

GLOSSARIES OF CANT IN THE SERIES OF BOOKS "BELLMAN OF LONDON" BY T. DEKKER

Ryabichkina G. V.

*Department of English Language and Technical Translation
Astrakhan State University
ryabichkinagv@yandex.ru*

Abstract. In the article the brief analysis of the glossaries of cant in the series of books by T. Dekker is represented. T. Dekker reflects on the origin and nature of cant looking at its history from the erection of the Babel tower. Cant lexical units are accompanied by lexicographic analysis based on the data of the most developed "Dictionary of Slang and Unconventional English" by E. Partridge.

Key words and phrases: cant; cant glossaries; cant lexical units; lexicographic analysis.

ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

Рябова М. В.

*Кафедра немецкого языка и методики его преподавания
Благовещенский государственный педагогический университет
marina-riabova@rambler.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена лингвокультурным характеристикам процесса перевода, а также явлению «смыслового сдвига» текста, являющемуся результатом ассимиляции его смыслов при переводе.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурные характеристики; процесс перевода; «смысловой сдвиг» текста; ассимиляция смыслов.

С момента своего возникновения перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межкультурное общение людей. Несмотря на то, что принято говорить о переводе «с одного языка на другой», в процессе перевода происходит не только замена одного языка другим. Он представляет собой осмысление подлинника, проникновение в форму оригинала как носителя определенного смысла и стилистической функции.

Кроме того, перевод играет существенную роль в истории культуры отдельных народов и мировой культуры в целом. В нем «сталкиваются» различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки, поскольку каждый человек в значительной мере формируется той культурой, в которой он живёт, а каждая культура воплощает в себе специфический опыт социальной практики конкретного сообщества, который придаёт ей неповторимые черты. Её уникальность получает своё завершение в культурной картине мира, то есть в совокупности знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа самобытность, благодаря которой можно отличить одну культуру от другой. Совокупность механизмов общения культур принято называть межкультурной коммуникацией. Другими словами, межкультурная коммуникация - это «совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам» [Халеева, 2000, с. 11]. Трудности, возникающие при межкультурном общении, обусловлены тем, что определённой нации всегда присуща отдельная система культурных ценностей.

Повышение интереса к изучению процесса межкультурной коммуникации способствовало актуализации новой, культурологической, парадигмы переводоведения. Её суть состоит в том, что «текст перевода бикультурен» [Швейцер, 1994, с. 185] и он превращается в новом контексте в другой текст, обладающий иной литературной и культурной значимостью. Перевод не может оставаться «вечным» заместителем оригинала, так как с течением времени культурные и языковые модели могут меняться, однако он всегда имеет место там, где есть межкультурное общение, при котором переводчик выполняет функцию посредника.

Действительно, одна из особенностей текста заключается в том, что он напрямую связан с культурой, так как насыщен множеством культурных кодов и хранит информацию обо всем, что составляет содержание культуры. Текст представляет собой «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, определённые ассоциации» [Маслова, 2001, с. 87]. Поэтому применительно к процессу восприятия и интерпретации инокультурного текста следует иметь в виду, что затруднения при понимании свидетельствуют об ином его качестве для представителей другой культуры. Однако не культура сама по себе влияет на результат понимания инокультурного текста, а то её проявление, которое реализовано в сознании читателя [Беянин, 1988, с. 30].

Многочисленные исследования процесса восприятия текста показывают, что смысл не может быть дан в нём однозначно, а складывается из нескольких компонентов: смысла, изначально заложенного автором текста, творческого опыта читателя, интенции автора и смысла, детерминированного контекстом. Переводчик интерпретирует оригинал и ориентирует его на инокультурного адресата, который, в свою очередь, понимает его в соответствии со своим индивидуальным опытом и своими культурными моделями. При этом наблюдается явление «смыслового сдвига», обусловленного природой перевода, движением смыслов текста, их ассимиляцией [Пшеницын, 2000, с. 82]. Причина ассимиляции заключается в том, что потенциальный текст перевода контактирует с особенностями культурно-языкового контекста адресата и утрачивает связь с текстами своей культуры. Следовательно, текст перевода превращается в новом контексте в другой текст. Степень ассимиляции смысла исходного текста зависит от следующих факторов, создающих трудности при его извлечении и сохранении: необходимость выполнять переводческую программу, невозможность сохранить авторский стиль и различие культурных моделей восприятия оригинала и перевода.

Выполняя переводческую программу, переводчик пытается выразить смысл оригинала на языке перевода, основываясь на своем восприятии и понимании текста, которое обусловлено его культурными моделями. Ему приходится создавать текст в новых для него языковых и культурных условиях и пытаться сохранить в переводе языковые и стилистические особенности оригинала. Особенно сложно это осуществить в том случае, когда автор текста отклоняется от языковых и культурных норм и канонов. Поэтому переводческие решения часто носят творческий, индивидуальный характер, а переводчика по праву можно считать автором текста, который он создал на языке перевода. Его прочтение оригинала и творческая интерпретация смысла определяют место перевода в культуре-реципиенте, то есть его «синхронность» по отношению к тексту оригинала [Пшеницын, 1998, с. 195].

Не менее значительное влияние на процесс ассимиляции оказывают культурные контексты, в которых функционируют оригинальный и переводной тексты. В каждой культуре действуют собственные культурные и языковые модели (например, ценности и установки общества), а тексты данной культуры обладают специфическими взаимосвязями. Участвуя в интертекстуальном взаимодействии, текст перевода, в отличие от оригинала, неизбежно приобретает другой смысл.

Изучение культурологической составляющей текста имеет целью выявить принципиальные различия между оригиналом и переводом, обусловленные не столько языковой формой, сколько факторами культуры. Для более успешного перевода переводчику рекомендуется прибегнуть к лингвокультурному анализу текстов, участвующих в переводе. Первые попытки подобного анализа были предприняты в рамках этнопсихолингвистики. Применительно к тексту данная методика также может использоваться для описания культурологического взаимодействия носителей двух сопоставляемых языков, так как предполагает обнаружение лакун в текстах переводов.

Напомним, что в настоящее время явление лакунарности понимается достаточно широко: лакунами могут быть не только языковые явления, но и культурные несовпадения, обусловленные разными ассоциациями и символическими значениями предметов в сознании того или иного народа. При восприятии инокультурного текста лакунами, как правило, считаются «сигналы специфических реалий, специфических процессов и состояний, противоречащих узальному опыту носителя того или иного языка (культуры)» [Антипов, 1989, с. 96], а также то, что осознается реципиентом как нечто странное, требующее экспликации и что может остаться незамеченным или же интерпретированным не так, как это было бы типичным для реципиента культуры-источника.

Поскольку текст одновременно является одной из форм существования культуры и высшим уровнем языка, то проявления его культурно-обусловленных особенностей можно охарактеризовать как лингвокультурные доминанты, которые, с одной стороны, наиболее ярко характеризуют ту или иную культуру, а с другой - являются вербально выраженными. Сопоставив вербальное выражение лингвокультурных доминант в разных языках, можно получить представление об их культурной специфике, а также о характере движения смыслов текста при переводе. Проведённый анализ лингвокультурных доминант «Поведение», «Внешность», «Эмоциональное состояние» в текстах романов Э. М. Ремарка «Три товарища» и Г. Бёлля «Глазами клоуна» и их русскоязычных переводах (В.1, В.2, В.3 и В.4) позволил выявить следующие разновидности ассимиляции смыслов: декомпрессию (53% от общего числа примеров); диффузию (33%); компрессию (14%).

В результате декомпрессии транслемам сообщаются дополнительные смыслы и ассоциации, иногда не характерные для культуры-источника и не имеющие постоянного вербального выражения в языке оригинала, например:

... *und mit dumpfer Stimme das Lied vom treuen Husaren sang.*

В.2: ... и глухим голосом *распевала* песенку о верном гусаре.

Транслема *singen* имеет в русском языке вербальное соответствие «петь». „Распевать“ означает „петь, раззучивая или репетируя“ и предполагает следующие ассоциации: «громко», «эмоционально».

„*Jesus Christus*“, *stammelte Mathilde* ...

В.3: «*Иисусе Христе...*» - *с трудом пробормотала* Матильда и *установилась на меня красными глазами.*

Транслема *stammeln* имеет соответствие «заикаться», однако в русском языке отсутствует форма прошедшего времени совершенного вида данного глагола, поэтому для заполнения грамматической лакуны было использовано словосочетание «пробормотать с трудом». Русская лексема «пробормотать» означает «го-

ворить невнятно» и вызывает следующие ассоциации: «запинаясь», «с трудом». Следовательно, значение транслемы было гиперболизировано.

Protestierend hob sie die Hände.

В.3: Она протестующе замахала руками.

Транслема *die Hände heben* имеет русское соответствие «поднять руки» и указывает на направление - «вверх». Русское выражение «махать руками» вызывает ассоциации «испуг», «отказ», то есть предполагает дополнительное проявление эмоций.

Sie griff eilig zu.

В.3: Она быстро выхватила её у меня.

Транслеме *zugreifen* соответствует русское «схватить». Приставка *zu* сообщает глаголу направление действия - «к собеседнику». Добавление в русском переводе выражения «у меня» дублирует значение глагола.

..., obwohl er ein Bündel Spannung war.

В.1: ..., хотя к тому времени он уже превратился в сплошной комок напряженных нервов.

Образное значение транслемы *ein Bündel Spannung* с русским соответствием «комком нервов» было гиперболизировано из-за одновременного добавления прилагательных «сплошной» и «напряженный», что обычно характерно для русского узуса в случае высшей степени эмоциональности.

Uns schwoll das Herz.

В.2: Наши сердца забились бодрее.

Транслема *schwellen* имеет русское соответствие «наполняться» и в сочетании с лексемой *das Herz* приобретает образное значение. Предложенный вариант «биться» означает «пульсировать», то есть приводит к утрате образности. Кроме того, значение транслемы было гиперболизировано за счёт добавления лексемы *бодрее*.

Sie umklammerte meine Hand und schüttelte sie.

В.3: Она вцепилась в мою руку и принялась её трясти.

Транслема *umklammern* имеет русское соответствие «обхватить» и предполагает следующие ассоциации «со всех сторон», «полностью». «Вцепиться» вызывает более негативные ассоциации, например: «очень крепко», «с силой», «до боли».

Sie prallte zurück.

В.3: Она отпрянула от меня.

Транслеме *zurückprallen* соответствует русское «отпрянуть». Благодаря приставке *zurück* глагол указывает на направление действия - «от собеседника», «назад». Поэтому добавленное в русском переводе выражение «от меня» дублирует и усиливает значение глагола.

Диффузия предполагает взаимное проникновение смыслов, сопровождающееся их частичной потерей и частичным обогащением. Утраченные и приобретённые ассоциации, в целом, не противоречат ни культуре-источнику, ни культуре-адресату, например:

Wie angenagelt blieben wir stehen.

В.1: Мы замерли, словно пригвожденные.

Русским соответствием для транслемы *wie angenagelt* является устойчивое сравнение «как вкопанные». Выражение «словно пригвожденные» семантически более точно передаёт понятийное значение транслемы (*der Nagel* - «гвоздь»), но требует в русском языке сочетания с определенными существительными, например, «словно пригвожденные к полу», «словно пригвожденные взглядом».

Sein Hals war ganz zerrissen.

В.3: ...а шея была вся искромсана - он пытался разорвать её ногтями, чтобы дышать.

При переводе транслемы *zerrissen* русское причастие «искромсана» вступает в противоречие с ассоциацией «ногти», которая подразумевается в русских вербальных соответствиях - «изорванный», «разорванный». «Кромсать» означает «грубо, неаккуратно резать на части», то есть предполагается наличие какого-либо лезвия, а в тексте речь идёт только о ногтях пострадавшего.

Es trug ein schmutziges weißes Kopftuch, eine blaue Schürze, dicke Pantoffeln, ...

В.1: Оно было в грязном белом платке, синем переднике и толстых мягких туфлях.

В.3: На нем были испачканная белая косынка, голубой передник и толстые мягкие шлепанцы.

Транслеме *Schürze* соответствуют следующие русские лексемы: „фартук“, „передник“, „платье-передник“, „халатик“. Поскольку уборщицы чаще носят специальные халаты, то описание внешнего вида героини представляется не совсем завершённым, ведь передник - это „одежда, защищающая перед платьем от грязи“, но не заменяющая платье. В данном случае диффузия смыслов привела к появлению контекстуальной лексической лакуны.

Транслема *Pantoffeln* соотносится в русском языке с лексемами „домашние туфли“, „шлепанцы“ и вызывает ассоциации «удобные», «без задников». Словосочетания «мягкие туфли» в В.1 и «мягкие шлепанцы» в В.3 представляют собой попытку компенсировать культурологическую лакуну в сознании русских читателей при помощи прилагательного «мягкий».

... fragte er Köster, der ihm am nächsten stand, mit einem Gesicht wie eine Essiggurke.

В.2: ... обратился он с уксусной гримасой к стоявшему ближе всех к нему Кестеру.

Транслема *Gesicht wie eine Essiggurke* имеет образное значение. Русская лексема «уксусный» представляет собой буквальный перевод одного из компонентов сложного слова - *Essig-*, для правильного понимания

которой читателю необходимы дополнительные ассоциации с данным словом. Наиболее точным и образным русским вербальным соответствием могло быть «с кислой миной», менее образным - «с недовольной гримасой».

Компрессия представляет собой частичную или полную утрату национально-культурных смыслов и ассоциаций, например:

Seitdem Marie mich verlassen hat, um Züpfner, diesen Katholiken, zu heiraten, ...

В.4: *С тех пор как Мария меня покинула, чтобы выйти замуж за этого деятеля Цюпфнера, ...*

Транслема *Katholik* соотносится в русском языке со словом «католик», обозначающим лицо, исповедующее данную религию, но в переводе её смысл был полностью утрачен, так как деятелем обычно называют человека, «проявившего себя в какой-либо общественной деятельности». При этом лексема «деятель» сообщает контексту дополнительный эмотивный оттенок «ирония».

„Na, das ist nun eine Übertreibung. Sie sind nur voll. Voll wie eine Strandhaubitze.“

В.3: *«Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку.»*

Образное значение транслемы *voll wie eine Strandhaubitze* сохранилось в переводе за счёт употребления устойчивого сравнения «пьяный в стельку». Однако стержневым компонентом немецкого сравнения является лексема *Strandhaubitze*, имеющая отношение к военной сфере, в то время как предложенное русское сравнение чаще встречается в разговорной речи. Поскольку главный герой - бывший военный, то для него данное выражение вполне естественно. Однако в переводе эта специфика не сохранилась.

In dem halbdunklen Raum taumelte ein Gespenst umher.

В.2: *Там в полутьме маячила какая-то призрачная фигура.*

Транслема *umhertaumeln* является лексической лакуной для русского языка, и её значение складывается из значений компонентов *umher* («взад-вперёд», «вокруг») и *taumeln* („шататься“, „нетвердо ступить“, „плохо держаться на ногах“). „Маячить“ означает „виднеться в отдалении“ и предполагает удалённость от объекта, однако не вызывает ассоциаций «перемещаться», «шататься».

Приведенные примеры убедительно доказывают неравномерный характер смыслового сдвига при переводе художественного текста. Несомненно и то, что неполное совпадение смыслов в процессе перевода является нормой и, вероятно, выполняет при этом важную роль, способствуя приращению и продуцированию нового смысла. Осознание неизбежности смыслового сдвига меняет прежние представления о статусе текста перевода и роли переводчика как создателя нового текста.

Итак, в рамках переводоведения переводческий процесс осмысливается как многоаспектное явление, при котором сопоставляются не только языковые формы, но и языковое видение мира, ситуации общения, а также широкий круг внеязыковых факторов, определяемых общим понятием культуры. В настоящее время проблемы перевода принято рассматривать не только как билингвистичные, но и бикультурные. С этой точки зрения, текст перевода является своеобразным репрезентантом оригинала в условиях другого языка и другой культуры. Соответственно, для его адресата удачным переводом будет считаться текст, который отличается от текстов родной ему культуры и даёт ему возможность ощутить уникальность двух культур.

Список литературы

Антипов Г. А. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Соколин. Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние, 1989. 194 с.

Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988. 120 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.

Пишеницын С. Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // Языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода: сборник статей. СПб.: Тригон, 1998.

Пишеницын С. Л. О смысловых различиях при переводе // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: сборник статей. СПб.: Тригон, 2000.

Халева И. И. О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам // Известия Российской академии образования. 2000. № 1.

Швейцер А. Д. Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция. М.: Стелла, 1994.

**THE PROBLEM OF THE LINGUO-CULTURAL ANALYSIS OF THE TEXTS
IN THE ORIGINAL AND THE TRANSLATION**

Ryabova M. V.

*Department of German Language and Technique of German Language Teaching
Blagoveshchensk State Pedagogical University
marina-riabova@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the linguo-cultural characteristics of translation process and also to the phenomenon of text “semantic shift” which is the result of the assimilation of its senses while translating.

Key words and phrases: linguo-cultural characteristics; translation process; text “semantic shift”; assimilation of senses.

ПОНЯТИЙНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В КУРДСКОЙ ПОЭЗИИ

Сальников А. С.

*Центр иранистики и персидского языка кафедры персидского и арабского языков
Астраханский государственный университет
talasm@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению понятийных характеристик концепта «патриотизм» в курдской лингвокультуре. Данные характеристики выводятся путем анализа этимологии и словарных дефиниций, выявленных в курдской поэзии единиц, репрезентирующих данный концепт.

Ключевые слова и фразы: понятийные характеристики; концепт «патриотизм»; курдская лингвокультура; этимология; словарные дефиниции; курдская поэзия.

Концепт «патриотизм» в курдской поэзии представлен следующими лексическими единицами: *کوردايەتی* [kurdayetī], *کوردييەت* [kurdīyet], *نیشتمانپەرستی* [nīštmanperistī], *ولایەتپەرستی* [wīlatperistī], *کورديستانپەرستی* [kurdistanperisti], *گەلپەرستی* [gelperistī], *میللەتپەرستی* [mīlletperistī], *میللەتپەروەری* [mīlletperwerī], *کورديپەرستی* [kurdperistī] и *کورديپەروەری* [kurdperwerī].

Для рассмотрения понятийных характеристик концепта «патриотизм» необходимо провести анализ словарных дефиниций и этимологии вышеуказанных лексических единиц, однако следует учитывать, что лексикография на курдском языке до сих пор весьма слабо развита, и часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «патриотизм», не нашла отражение в словарях.

В словарях даются следующие определения:

- *کوردايەتی* [kurdayetī]: курдский патриотизм, национальное самосознание курдов [Курдоев, 1983]; курдский патриотизм, действия, поступки на благо курдского народа [Хажар, 1381]. Патриотизм как ментальное осознание себя частью конкретных «своих» и стремление способствовать их процветанию, развитию и улучшению условий существования (здесь и далее лексическая единица «конкретный» используется в случае прямого наименования «своего» пространства либо «своих»: *کورديستان* [kurdistan], *کورديوارى* [kurdewarī] и *کوردي* [kurd]);

- *نیشتمانپەرستی* [nīštmanperistī]: патриотизм [Курдоев, 1983]; патриотизм, любовь к родине [Хажар, 1381]; патриотизм [Хажир, Абдуллапур, 2008]. Патриотизм как наличие сильных положительных чувств по отношению к «своему» пространству, и, следовательно, устойчивой положительной связи, привязанности к нему;

- *کورديستانپەرستی* [kurdistanperisti]: патриотизм, служение курдскому народу и родине курдов, любовь к курдам и Курдистану [Хажар, 1381]. Патриотизм как подчинение собственных интересов интересам «своих» и интересам «своего» пространства и действие на благо их как выражение положительного отношения к ним;

- *گەلپەرستی* [gelperistī]: любовь к своему народу; патриотизм [Курдоев, 1983]; патриотизм, любовь к своему народу и своей родине [Хажар, 1381]. Патриотизм как наличие сильных положительных чувств по отношению к «своим» и «своему» пространству, и, следовательно, устойчивой положительной связи, привязанности к ним;

- *کورديپەروەری* [kurdperwerī]: курдский патриотизм [Курдоев, 1983]; поступки, борьба и усилия ради *کوردايەتی* [kurdayetī] (курдского патриотизма) [Хажар, 1381]. Патриотизм как протест, который способствует ментальному осознанию себя и «своих» частью конкретных «своих» и стремлению способствовать их процветанию, развитию и улучшению условий существования.